

—

### XIII.

Башня Тяньюнь считалась одним из лучших ресторанов столицы. Поскольку она находилась совсем рядом с храмом Цинпин, ежегодно во время проведения молебнов и обрядов все залы здесь загодя бронировались знатными семьями и влиятельными кланами.

Ван Сюй договорился встретиться с ними именно здесь. Так что встреча с Шэнь Чанхуанем, хоть и была внезапной, вполне укладывалась в ожидания.

Се Чаньюэ легонько похлопал Гу Сьюаня по плечу и спрыгнул с его спины. Оказавшись на земле, он, не обращая внимания на окружающих, с мягкой улыбкой на лице направился прямо к тому геру в нежно-розовом халате, который только что открыл рот.

«Хлоп!»

В следующее мгновение раздался звук звонкой и четкой пощечины. Воздух вокруг словно застыл. Уголки губ Гу Сьюаня слегка приподнялись.

Шэнь Чанхуань сначала побледнел, но затем в его глазах промелькнула тщательно скрываемая искра злорадства.

— Се Чаньюэ, ты посмел ударить меня! — Гер, прикрывая щеку рукой, закричал от нескрываемого шока. Он и представить себе не мог, что кто-то осмелится ударить его среди бела дня на глазах у всех.

Этого гера звали Дань Ин, он был вторым сыном старшей принцессы Лиян. Принцесса Лиян была дочерью покойного императора и всегда славилась своим высокомерным и деспотичным нравом. После восшествия на престол нынешнего императора она ничуть не изменила своих привычек.

Тем более что перед тем, как занять трон, нынешний император прошел через череду жестоких распрей, в результате которых многие его братья и сестры погибли или покинули столицу. В живых в столице осталось лишь двое-трое близких родственников, и принцесса Лиян была одной из них.

Чтобы продемонстрировать Поднебесной свою любовь к оставшимся родным, император проявлял к Лиян безграничное терпение, тем более что она была женщиной. Это лишь раздуло пламя её заносчивости: стоило чему-то пойти не по её воле, она тут же бежала во дворец плакать и жаловаться. Если император не соглашался на её требования, она бежала в Храм предков и рыдала перед духом покойного императора. Со временем она превратилась в настоящую грозу столицы.

Дань Ин, который чертами лица был очень похож на саму принцессу, с детства рос в исключительной любви и неге. Нахватавшись привычек матери, он обладал схожим характером, хотя вел себя чуть сдержаннее: он унижал только тех, чей статус или семейное положение были ниже его, высмеивая их за «корыстолюбие» или «непристойность». Как ни странно, в кругах высшего общества столицы за ним даже закрепилась слава человека прямолинейного и искреннего.

Больше года назад, когда Дань Ин достиг совершеннолетия, принцесса Лиян в большом воодушевлении отправилась во дворец просить императора пожаловать её сыну титул уездного цзюньцзюня. Однако, сколько бы она ни плакала, государь так и не дал своего согласия. Император не был сделан из глины, его терпение за эти годы почти иссякло. Пожаловать титул её сыну? Размечталась! Даже дети князей еще не получили таких наград. У титула есть ранг и жалование — с чего бы ему отдавать их такому недостойному человеку? Неужели император считает, что его казна слишком полна?

Именно это и стало одной из причин сегодняшней злости Дань Ина на Се Чаньюэ. То, чего он так тщетно добивался, внезапно получил какой-то «деревенский гер» — такое было невозможно стерпеть.

Се Чаньюэ размял свои тонкие белые пальцы и холодно посмотрел на обидчика:

— Ударил именно тебя! Что это за бродяга тут выискался, смеющийся насмехаться над уездным цзюньцзюнем, титул которому пожаловал сам император? Ты выражаешь недовольство решением императора? Ты... задумал мятеж?

Дань Ин смертельно побледнел. Его ярость в мгновение ока сменилась первобытным ужасом:

— Что... что за чушь ты несешь? Когда это я... выражал недовольство Его Величеством?!

Хотя в глубине души, узнав о награждении Чаньюэ, он действительно был крайне недоволен своим императорским дядей, такие вещи категорически нельзя было произносить вслух.

Се Чаньюэ слегка склонил голову и, прищурившись, ледяным тоном добавил:

— Тогда живо проваливай! Что ты стоишь здесь, преграждая путь уездному цзюньцзюню? А я-то подумал, что ты очень недоволен.

Дань Ин, чьи мысли полностью перемешались, тупо отступил на несколько шагов, освобождая дорогу.

Гу Сыюань, наблюдая за действиями своего супруга, с легкой улыбкой подошел к нему и, взяв за руку, повел вверх по лестнице башни Тяньюнь, негромко произнеся:

— Действительно, настоящий уездный цзюньцзюнь. Какое величие, я прямо напуган.

Се Чаньюэ тут же повернул голову и забавно сморщил носик — он выглядел одновременно гордым и невероятно милым.

Когда они ушли, Шэнь Чанхуань с легким хмурым видом посмотрел на Дань Ина, стоявшего рядом. «Настоящий олух!» В обычные дни он мастерски язвил и доводил до слез геров и барышень из семей обычных чиновников, а стоило Се Чаньюэ припугнуть его — и он сразу стал похож на дурака.

Впрочем... он еще мог быть полезен.

Чанхуань сделал шаг вперед и с беспокойством сжал руку Дань Ина:

— А-Ин, ты в порядке? Чаньюэ, должно быть, сошел с ума, раз посмел такое... Если принцесса узнает, представляю, как она разгневется!

Лицо Дань Ина вспыхнуло, он внезапно пришел в себя, осознав, как позорно вел себя

мгновение назад. Его глаза налились яростью, он процедил сквозь зубы:

— Ну и ну... Се Чаньюэ, ты — отродье деревенщины! Ты посмел так унижить и оскорбить меня! Хм, погоди у меня. Если я не заставлю тебя лично встать на колени и просить прощения, я сменю фамилию!

С этими словами он резко развернулся и зашагал прочь по улице. Сегодня на глазах у всех он потерял лицо. Если он не сможет отомстить в стократном размере, прохожие будут вечно насмехаться над ним втайне, и он больше не сможет показаться в столичном свете.

Шэнь Чанхуань стоял у входа в башню Тяньюнь. Глядя в спину уходящему Дань Ину, чья фигура в лучах заходящего солнца казалась охваченной пламенем ярости, он не удержался от едва заметной, торжествующей улыбки.

В этот момент послышалось ржание коней, и Сяо Цзинчуань вместе с Шэнь Чанье одновременно спрыгнули с седел. Сяо Цзинчуань, заметив выражение лица Чанхуаня, нахмурился:

— Что произошло? Кажется, тот гер, что только что в ярости убежал — не сын ли принцессы Лиян?

Говоря это, он бросил многозначительный взгляд на Шэнь Чанье. Всем было известно, что Дань Ин в последнее время проявлял к Шэнь Чанье большой интерес — сердце юноши явно дрогнуло.

Лицо Шэнь Чанье выражало крайнее отвращение.

Шэнь Чанхуань моргнул, и на его лицо вернулась чистая, светлая улыбка. Он спросил пришедших:

— Почему вы так поздно? Я жду уже целую вечность.

Шэнь Чанье посмотрел на Сяо Цзинчуаня. Тот со вздохом пояснил:

— Перед выходом матушка снова задержала меня долгой нотацией.

— О, — Шэнь Чанхуань кивнул и, не развивая тему, повел их внутрь здания.

Тем временем Гу Сьюань и Се Чаньюэ поднялись на второй этаж. Ван Сюй сразу встал и замахал им рукой, и они направились к нему.

Второй этаж представлял собой не закрытые комнаты, а множество полуоткрытых кабинетов, разделенных ширмами, которые стояли вдоль лестницы и перил. Это обеспечивало некоторую приватность, но при этом позволяло чувствовать общую праздничную атмосферу — вполне в духе Ван Сюя.

Едва они сели, Ван Сюй тут же принялся поддразнивать их с видом знатока:

— Посмотрите-ка на них! Еще смел меня упрекать в том, что я в столице только и делаю, что дерусь с людьми. Ваше умение наживать неприятности ничуть не уступает моему! Ждите теперь — принцесса Лиян души не чает в своем Дань Ине, наверняка он уже побежал во дворец жаловаться.

Се Чаньюэ недовольно фыркнул и посмотрел на него. Гу Сьюань, отхлебнув чаю, спокойно

спросил собеседника:

— Судя по твоим словам, у тебя есть богатый опыт общения с принцессой Лиян.

Ван Сюй загадочно подмигнул:

— А ты как думаешь?

Гу Сыюань поставил чашку и сухо ответил:

— Я не думаю.

— ... — Ван Сюй опешил.

Спустя мгновение он раздраженно воскликнул:

— У тебя что, совсем нет ни капли любопытства?!

Се Чаньюэ гордо вскинул бровь, глядя на него:

— Мой муж не такой инфантильный, как ты!

Ван Сюй развел руками:

— Ладно, не буду ходить вокруг да около. Перед тем как уехать из столицы в уезд Уцин, я дважды поколотил Дань Сюна — того жирного сынка принцессы.

Гу Сыюань уточнил:

— И после этого она побежала во дворец жаловаться?

Ван Сюй кивнул:

— Само собой.

— ... — Гу Сыюань промолчал.

«Почему ты говоришь об этом с такой гордостью?»

А Ван Сюй и впрямь так и сиял:

— Послушай, не верь слухам о том, какой я несносный. В столице некоторые специально портят мне репутацию. Я бью только тех, кто этого заслуживает. Я всыпал этому толстяку Дань Сюну первый раз за то, что он несся на коне по людной улице и сбил фермера, продающего овощи, да еще и серебра не заплатил. А второй раз — за то, что он в чайной обижал маленькую девочку лет семи-восьми. Он был таким чертовым идиотом, он заслуживал того, чтобы его забили до смерти!

Гу Сыюань кивнул:

— Справедливо. Ты всё правильно сделал.

Услышав это, Ван Сюй расплылся в улыбке:

— Я так и знал, что ты меня поймешь!

Гу Сьюань, однако, вернулся к сути:

— И что дальше? Что было после жалоб?

— ... — Ван Сюй вздохнул и нехотя продолжил: — Ну, на следующий день мой старик-министр вернулся с аудиенции и отвесил мне пару тумаков, а потом запретил выходить из дома несколько дней. А что еще он мог сделать? Позволить этому толстяку тоже меня побить?

Статус семьи Ван был особым, так что этот пример мало чем помогал в их ситуации.

Гу Сьюань опустил взгляд, размышляя, и спросил:

— Кстати, ты не знаешь, почему тот гер так враждебен к Чаньюэ? В его взгляде было слишком много личного, не похоже, что он просто заступает за Шэнь Чанхуаня.

Се Чаньюэ с любопытством посмотрел на мужа:

— А, разве это так?

Ван Сюй же просто опешил:

— Ты это серьезно? Откуда мне знать? Я взрослый мужчина, неужели я стану бегать и собирать сплетни про маленьких геров?

— А я, возможно, знаю.

В этот момент из-за ширмы в соседнем кабинете раздался мягкий мужской голос. Троица дружно обернулась. Из-за перегородки вышли две статные фигуры.

— Пятый... — Ван Сюй округлил глаза и вскочил, собираясь что-то выкрикнуть, но тут же осекся и поправился: — Двоюродный брат! И... старший брат.

Гу Сьюань посмотрел на одну из фигур: лицо было знакомым. Несколько месяцев назад они уже виделись в деревне Хуанъян.

Он слегка приподнял бровь и сложил руки в приветственном жесте:

— Буду рад услышать подробности.

В ответ на лица вошедших заиграли едва заметные улыбки.

Спустя некоторое время в кабинете снова остались только их трое. Ван Сюй прижал руку к груди:

— Слава богу, мы сегодня ничего такого не натворили. Какого черта мой брат тоже притащился сюда?

Он посмотрел на Гу Сьюаня:

— Хм, ну и везет же тебе.

Гу Сьюань одарил его мимолетным взглядом:

— Скорее, это говорит о том, как низко тебя ценят в твоей собственной семье.

Се Чаньюэ не выдержал и, прикрыв рот рукой, хихикнул.

— ... — Ван Сюй.

«Как в этом мире может существовать человек еще более невыносимый, чем я сам?»

Внезапно с улицы донеслись громкие звуки гонгов и барабанов. Даосское ритуальное празднование началось. Троица, переглянувшись, не сговариваясь направилась к окну.

Было уже больше половины часа Сюй (19:00 - 21:00). В десятом месяце темнеет рано, но сегодня столица была залита светом бесчисленных фонарей. Дул холодный осенний ветер, но, проходя сквозь плотные ряды гуляющих, он терял свою свежесть и казался теплым. У реки Юндин в небо взлетали фейерверки, а по воде скользили бесчисленные лодки и прогулочные суда, наполняя воздух звуками флейт и цитр. Вокруг огромного алтаря гремели возгласы одобрения — казалось, они вот-вот снесут крышу ресторана.

Се Чаньюэ, стоя у окна, не удержался и начал радостно подпрыгивать. Гу Сыюань остался внешне спокоен, но быстро выставил руку перед окном, опасаясь, как бы супруг в порыве восторга ненароком не вывалился наружу.

Прошло немало времени, прежде чем пыл Чаньюэ немного угас. Он потянул Гу Сыюаня обратно за столик, чтобы выпить чаю. В этот момент раздался мужской голос:

— Чаньюэ?

Гу Сыюань и Се Чаньюэ обернулись. Перед ними стояли Шэнь Чанхуань, Шэнь Чанье и Сяо Цзинчуань. Очевидно, позвал его Шэнь Чанье.

Се Чаньюэ прищурился и кивнул в знак приветствия:

— ...Второй молодой господин Шэнь?

Шэнь Чанье, услышав такое обращение, недовольно помрачнел, и тон его стал холоднее:

— Чаньюэ, я слышал, ты давно вернулся. Почему ты не зашел в поместье графа навестить нас?

Се Чаньюэ проигнорировал холод в его голосе и спокойно ответил:

— Я уже посылал человека в поместье графа Суйнина с визитом вежливости. Разве вы не знали? Что же касается личной встречи, то в ней нет никакой необходимости. Если всё началось с ошибки, то закончиться должно чисто и бесповоротно — так будет лучше для всех. Именно поэтому, узнав правду, я тогда сразу и без колебаний уехал.

Лицо Шэнь Чанье стало еще темнее. Шэнь Чанхуань сделал шаг вперед и с притворным возмущением произнес:

— Чаньюэ, как ты можешь так говорить? Неужели ты совсем забыл годы воспитания в семье Шэнь и ту теплоту, с которой родители заботились о тебе всё это время?

Се Чаньюэ посмотрел на него с искренним удивлением.

— В таком случае, неужели супруги Се в деревне Хуанъян плохо к тебе относились и не дарили тебе тепла и заботы? Почему же ты тогда не съездишь навестить их? — Гу Сыюань слегка приподнял веки и обратился прямо к Шэнь Чанхуаню.

Шэнь Чанхуань запнулся. Старая госпожа Шэнь была женщиной с тяжелым характером, она терпеть не могла семью Се и запрещала ему с ними общаться. К тому же мать Сяо Цзинчуаня была крайне чопорной и считала деревенских жителей грубыми невеждами, поэтому тоже не одобряла таких связей. К тому же, его поездки в деревню всегда были связаны с тайными делами, а не с желанием увидеть родню, поэтому он скрывал свои визиты от всех, кроме пары близких людей.

Но... он в замешательстве посмотрел на Гу Сьюаня. Этот человек ведь видел его в деревне! Почему он сейчас использует этот аргумент, чтобы заткнуть ему рот? Неужели он заранее знал, что Чанхуань не посмеет признаться в своих визитах?

Шэнь Чанье тем временем нахмурился и холодно бросил:

— Семья Се — всего лишь крестьяне. Как их можно сравнивать с нашим поместьем графа Суйнина?

Гу Сьюань холодно усмехнулся:

— Не знал, что родительская любовь делится на благородную и плебейскую. Впрочем, возможно, так и есть. Ведь тогда на краю обрыва семья Се была готова пожертвовать жизнью родного Чаньюэ ради своего воспитанника Шэнь Чанхуаня. Не говоря уже о том, что родная мать Чаньюэ погибла, спасая маленького Шэнь Чанхуаня.

Он обвел взглядом присутствующих:

— Так кто же на самом деле должен больше ценить «годы воспитания»? Кому на самом деле стоило бы съездить и навестить своих близких?

Сегодня в «Тяньюнь» собралось немало отпрысков знатных семей. Все они слышали слухи о подмене детей в семье графа, и теперь, услышав эти крупницы правды, начали активно обсуждать ситуацию.

— Ого, какие подробности... Значит, семья Се сделала для Шэнь Чанхуаня всё, что могла.

— Говорят, они любили его в сто раз больше родного сына? И он так легко вернулся в поместье графа, ни капли не жалея?

— Ну а ты как думал? Выбирать между титулом графа и крестьянским домом — тут и думать нечего.

— Раз так, то поступок Се Чаньюэ, который сразу ушел и освободил место, доказывает, что он не гонится за богатством. Чем же семья Шэнь недовольна?

— Когда он уходил, его не держали, а теперь, когда он стал уездным цзюньцзюнем, запели о «воспитании и тепле». Хотят выгоду получить? Ха-ха...

Шэнь Чанхуань, чувствуя, что атмосфера накаляется, поспешно принял вид кроткого страдальца:

— Всё совсем не так. Я бесконечно благодарен семье Се. И поместье вовсе не ищет выгоды. Чаньюэ вырос в роскоши и почете, неужели он не знает порядков в доме? Разве мы могли бы...

— Хватит! Поместье графа богато и обширно, нам не нужны никакие «выгоды»! — Шэнь Чанье

был в ярости. Он не ожидал, что Гу Сьюань окажется настолько беспардонным и вывалит все семейные тайны на всеобщее обозрение.

— А-а, я понял, — Гу Сьюань перевел взгляд с одного брата на другого. — Вы то и дело твердите, что семью Се нельзя сравнивать с вашим «благородным» домом и что ваше поместье «богато и обширно». Значит, вы просто считаете, что Чаньюэ в детстве проел слишком много ваших денег.

Он сделал небольшую паузу и добавил:

— Так вы сегодня специально пришли к Чаньюэ, чтобы потребовать деньги за содержание? Что ж, какова сумма? Вы ведь знаете, Чаньюэ недавно как раз разбогател.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281593>